

ЛЕВ
ДРУСКИН
ПРИКОСНОВЕНИЕ

Q

ЛЕВ
ДРУСКИН

ПРИКОСНОВЕНИЕ
СТИХИ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

1974

«Прикосновение» — пятая книга стихов Льва Друскина. Для творчества поэта характерны обращение к широкому кругу вопросов, склонность к раздумьям, пристальный взгляд на детали и стремление через них передать свое восприятие происходящего вокруг. В стихах его нового сборника отчетливо звучит антивоенная тема, раскрывается богатый духовный облик советского человека. Интересны, образны стихи о красоте родной природы, о радости творчества, о любви. В целом это — жизнеутверждающее восприятие мира, доверительный разговор поэта с читателем о сокровенном.

© Издательство «Советский писатель», 1974 г.

* * *

Звезда покати­лась
 над степью,
 над степью,
Лицо прислони­лось
 к горя­чей стерне.
Ночное
 тревож­ное вели­коле­пье,
О чем ты,
 зачем ты тоску­ешь во мне?
Мой конь не рас­сед­лан,
 мой конь не стре­но­жен,
Опу­щена грива,
 в траве стре­мена. . .
Не надо сердиться,
 давай по­ды­то­жим,
Что было,
 что будет —
 на все вре­мена.
Ты больше не ангел,
 ты больше не демон,
Ты женщина просто,
 а это боль­ней.
Я столько
 для нашей любви пере­де­лал,
Но разве мы можем
 уг­нать­ся за ней?
Ты больше не пан­на,
 ты больше не дон­на,

Но разве я этим
тебя оскорблю?
И радость безмерна,
и горе бездонно:
Прощай — ненавижу,
останься — люблю.
Сгорим и разъедемся —
дело простое,
Но ты —
вся огонь —
посиди у огня,
И если я даже
того и не стою,
Дай мне расседлать
и огладить коня.

Еще ворон
 простуженные глотки
Задорно провожают
 день короткий,
Еще сороки
 в милой простоте
Разносят людям сплетни на хвосте, —
А дом открыт
 для встречных-поперечных,
И в нем уютно
 от сверчков запечных,
От запеканки в синем хрустале,
От рюмок,
 по-осеннему нарядных,
От предвкушенья снедей маринадных,
От пирога,
 что дышит на столе.
И ты,
 моя утеха и отрада,
Царица дома
 и царица сада,
Мое мученье,
 мед моей строки,
С тобой мне томно
 и с тобой мне сладко.
И только небо темное
 украдкой
Глядит на наши белые виски.

КОКТЕБЕЛЬ

Грек босоногий —
 сатир,
 виночерпий,
Взглядом окинув
 зеленую даль,
Терпкую влагу
 подносит Евтерпе,
Сыплет на блюдо
 солёный миндаль.
Нож окунулся
 в прохладу арбуза,
Нежится море,
 песок шевеля...
Что ж ты задумалась,
 смуглая муза,
Милая,
 щедрая муза моя?
Выпьем — и в путь.
 Мы минутные гости,
Нам не расстаться
 надолго
 с зимой...
Небо жует
 виноградные грозди —
Пьяное небо
 над пьяной землей.

На берегах
 расплавленной Невы
Вдруг на прохожих
 зарычали львы —
Буграми вздулась
 каменная шкура.
Зверюга,
 парапет перемахнув,
В гранит вцепился
 и, к воде прильнув,
Лакал ее,
 оглядываясь хмуро.
От этих шуточек
 не жди добра!
Храпела лошадь старого Петра
И, вскидывая крупом,
 воздух била.
Из-под копыта
 выползла змея
И, словно ужас,
 кольцами обвила
Колонну в шрамах,
 жалом шевеля.
Но в суете
 никто не замечал,
Как билась лошадь
 и как лев рычал.

Машины шли,

не нарушая правил.

И я в тревожной жалости своей

Мучительным движением бровей

В последний раз

на место все поставил.

КОЛОКОЛУ РОСТОВА ВЕЛИКОГО

Колокол
 по имени Сысой,
Я бы землю обошел босой,
Чтобы только
 выйти на рассвете
К голосистой
 звоннице твоей.
Ты качнись навстречу,
 пожалей,
Не забудь меня
 на белом свете.

Колокол
 по имени Сысой,
Не хочу ни волком,
 ни лисой,
Не хочу ни силой,
 ни обманом.
Постою
 у неба на виду,
Попрощаюсь взглядом
 и пойду
В светлом мире,
 мире окаянном.

* * *

Дорога к озеру спускалась
С холма,
 который добротой
Превосходил нас несомненно.

А это дерево —
 смотри:
Оно прекраснее и чище
И лучше нас,
 как ни казись.

Что тут поделаешь!
 Ведь ты
Сама была —
 не помню только —
Березой или же ольхой.

Нет, погоди. . .
 Смешная память!
Ольхой, конечно:
 потому
Тебя и называют Ольгой.

А я был вязом или кленом. . .
А мальчик наш —
 он до сих пор
Почти такой же, как деревья.

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Пустые
 продрогшие дачи,
Осеннего вечера гнет. . .
Какая-то скрипка заплачет
И в голос,
 и в голос начнет.
Не каждому это дается,
Морщины
 изрезали лоб. . .
Какая-то скрипка зальется
И в голос,
 и в голос —
 взахлеб.
И целая ночь
 до рассвета.
И путь мой к тебе
 перекрыт.
И грустно.
 И кончилось лето.
И в голос,
 и в голос —
 навзрыд.

Маршак сидит в халате и брюзжит.
Он судит
 снисходительно и строго,
Он понимает,
 что моя дорога
Наискосок,
 проклятая,
 лежит.

Он мне
 советы добрые дает.
Вернусь домой
 и стул к столу поставлю.
Но ни одной строки
 не переправлю:

Господь судья,
 а что-то восстает.

А утром вновь
 по улицам седым
К нему приду я
 и напротив сяду,
И дивную английскую балладу
Он мне прочтет,
 закутываясь в дым.

Так тетерев
 токует на снегу,
Закрыв глаза,
 один с поляной белой. . .

Прочтет и скажет сухо:

«Переделал?»

А я отвечу тихо:

«Не могу».

Он переспросит каждую строку

И буркнет:

«Как же!

Вам не до советов!»

И на прозрачном томике сонетов

Напишет:

«Моему ученику».

* * *

Жить бы мне в Греции древней,
воспетой стократно,
Белый хитон,
а не серую пару носить
И, потерявши навеки
коня или брата,
Десять гекзаметров
горестно произносить.
Жить бы мне в Греции!
Я бы пошел к Эврипиду
И пригласил бы его
на отменный обед.
Сколько б ни выпили мы,
я б не подал и виду,
Не прихвастнул,
что и сам я
немножко поэт.
Жить бы мне в Греции!
Я бы наполнил без меры
Сердце
и слух,
и глаза проглядел,
и ослеп.
А разрешили бы боги,
я стал бы Гомером —
Пел бы
и ел бы
слезами закапанный хлеб.

Я — Прометей.

Орел мне печень рвет.

И я гляжу,

кривясь от муки,

сверху

На города

в огнях и фейерверках.

Моя скала кровавая плывет

Сквозь мерзлый мрак

и звездные чащобы.

Но нет во мне

ни зависти,

ни злобы.

И если Зевс

забудет про меня —

Спущусь с горы

и боль меня покинет.

И женщина

ребенка отодвинет,

И даст мне место

около огня.

О, как счастливо жизнь моя прошла!

Как сладко телу!

Как приятно оку!

И кто-то скажет,

что неподалеку

Нашли сегодня

мертвого орла.

СОNET

Укладывайся, миленький, в сонет:
Четырнадцать — и более ни строчки.
И если места для разбега нет,
Взлетай отвесно, с самой малой точки.

Не расползайся — ты не холодец,
Не распускайся — мускулы и воля!
Простора ветру не хватает, что ли?
Вполне хватает? **В**от и молодец.

Вселенная (О, как она огромна!)
Предстанет гармонично и объемно.
Ее загривок сжат в твоей руке.

И больше ни поблажки, ни отсрочки,
И мысли раскрываются, как почки,
И смысла нет в пятнадцатой строке.

. . .

Восходят дыма
 сму́глые колечки,
И в каждом круглый удивленный глаз —
Со всех сторон разглядывают нас,
Плывут вдоль стен
 и кружатся у печки.
А мы дымим —
 так, милая, дымим,
С таким стараньем
 и с таким смиреньем,
И так прекрасен
 этот хрупкий дым,
Что кажется почти стихотвореньем.
Ты видишь?
 Леты легкая вода
У ног струится
 в солнечных занозах,
И мы полулежим
 в блаженных позах,
Как будто не страдали никогда.
И никого не помним
 в жизни этой,
И никому
 оби́ды не творим.
И полудремлем-
 полуговорим,
И смуглый дым
 встает над сигаретой.

* * *

Мы снова затеяли перестановку —
Подвинули шкаф,
 оттеснили сервант.
И сделалось пусто,
 и стало неловко,
Как будто бы каждый предмет — эмигрант.
Ну что же, предметы!
 Скитайтесь по свету,
Ведь мир вашей комнаты
 странно велик.
Блуждают диваны,
 кочуют портреты,
И зеркало прячет
 потерянный лик.
Все стонулось с места,
 хотя б на полшага,
Дома покачнулись
 в оконном стекле. . .
Чего ж ты нахохлился,
 старый бродяга?
Кого еще встретишь
 на этой земле?

И сказал мне парикмахер
слова:
 «Очень трудная
 у вас голова.
 Хоть способная
 у вас голова,
 Неудобная
 у вас голова.
 Вы вот пишете,
 а я вот стригу.
 Вы вот дышите,
 а я не могу.
 Так же пену
 я взбиваю,
 как вы, —
 Почему же
 ни трубы,
 ни молвы?
 Гляньте в зеркало —
 ведь мы мастера.
 Разве бритва
 не острее
 пера?
 Разве меньше
 я тружусь
 для семьи?
 Где же трубы,
 где же трубы мои?»

* * *

Не падай,
 Пизанская башня,
 не падай.
Твои миллиметры
 инфарктам подобны.
И если ты рухнешь, —
 не надо,
 не надо! —
Земля задохнется
 от пыли надгробной.
О, как он прекрасен —
 наклон твой смертельный,
Доверчивый угол,
 полет над судьбою!
Но я не могу,
 не умею отдельно —
Я телом и жалостью
 слился с тобою.
Войду я в столетья,
 как в пену,
 как в пену,
В кольце восхищенья
 побуду,
 побуду...
Потом покачнусь я
 и руки воздену,
И гулом падения
 кончится чудо.

* * *

Когда я брел
 в ночи обманной,
Вникая
 в тайны ремесла,
Мне неожиданно
 и странно
Тень Данте
 путь пересекла.
Уже миров нездешних житель,
Земную он хранил беду,
Но дерзко я сказал:
 «Учитель,
Я сам не раз
 бывал в аду».
Он вздрогнул
 и исчез бесследно,
Ушел в воздушную струю.
И только шепот:
 «Бедный...
 бедный...»
А был ли ты
 хоть раз
 в раю?»

* * *

Еще вчера
 была весна...
Сегодня мы —
 чуть свет —
 и в чашу.
И лес —
 веселый и звучащий
(Где каждая сосна —
 струна,
Где клены — форте,
 ива — пьяно),
Прошитый солнечным дождем —
Нас обступил...
 И мы идем
Сквозь звонкий шум...
 и вдруг —
 поляна.
И мы
 минуту или две
Глядим,
 сощурившись от света,
Как перед нами
 на траве
Лежит,
 потягиваясь,
 лето.

* * *

Когда гроза
 безумствует над крышей
И в бубен суши
 бьет девятый вал,
Мужская дружба
 всех похвал превыше
И женская
 превыше всех похвал.
Дай руку, друг,
 и я печаль отрину --
Далек наш отдых
 и прекрасен труд. . .
А Цезаря
 закалывает в спину
Все тот же Брут,
 все тот же верный Брут.

* * *

Вот проспект
Одиноко уходит во тьму,
Но я знаю:
Со мною

не скучно ему.

Вижу окон ладони —
Ладони огня.
Сколько их!

И за всеми

Ждут сегодня меня.
Так и просят дома,
Так и манят огни:
«Ну пожалуйста,
В этот подъезд заверни».
В мире теплом и ярком,
У любого окна,
Сын возьмет меня за руку
И обнимет жена.
Я беспечен,

я молод —

Постою у ворот...
Ах, как ждет меня город!
Каждой комнатой ждет!

* * *

На снегу
 стоят дома,
Как закрытые тома.
Мопассан
 или Дюма?
Гончаров
 или Андреев?
Добряков
 или злодеев
Прячет
 в комнатах
 зима?
Я ведь тоже
 старый дом,
Я ведь тоже
 старый том,
А не старый —
 так и ладно.
Ты в лицо мое
 взгляни,
Первый лист
 переверни...
Видишь лампочку в парадной?
Я отдать тебе
 готов,
Если хочешь,
 пару строк

И, конечно,
 мир в придачу,
Где бездумствуют
 дома,
Где бездумствует
 зима
И где я
 так мало значу.

* * *

Пальцы вьюги
у земли
Толчками
Все деревья
завели
Волчками.
Липа кружится,
дрожа, —
Ледышка,
Пару воронов
держа
Под мышкой.
Виражами —
ледяной
Автобус.
Я кружусь,
как шар земной,
Как глобус.
Острый посвист января
И лепет,
На плечах .
гудят моря
И степи.
И морозным ветром сыт
До отвала,
Ворон к ворону летит,
Как бывало.

ПО МОТИВАМ КИПЛИНГА

Она крадется
 вдоль стены,
Как тень среди теней,
Тихонько хнычет сквозь усы,
Но так
 еще страшней.

А рядом с нею —
 лунный свет,
Сияющий паркет,
Но ей не выбежать туда
Ни разу в жизни,
 нет!

Чучундра,
 Чучундра,
О мускусная крыса,
Весь пол
 от шкафа до стола
Узорами расписан.
Иди сюда,
 трусиха,
Встречай со мной зарю.
Я,
 Рикки-Тикки-Тави,
Это
 говорю.

Я Рикки-Тикки-Тави,
Я съел
 немало змей.
Зачем ты хнычешь у стены?
Ведь так
 еще страшней.
Скажи мне
 тонким голоском:
«Теперь я с вами,
 сэр!»
Нельзя же
 людям подавать
Такой дурной пример.

Чучундра,
 Чучундра,
О мускусная крыса,
Весь пол
 до самого окна
Узорами расписан.
Иди сюда,
 трусиха,
Встречай со мной рассвет.
Я,
 Рикки-Тикки-Тави,
Даю
 тебе
 совет.

* * *

Убей змею —
и семь грехов простится.
Не надо ни поститься,
ни креститься,
Ни душу переламывать свою,
А просто в лес,
в широкий лес пуститься —
И семь грехов
за каждую змею.
Живые блики
веером дрожат,
Живое солнце
плавает в лазури,
И семь грехов
в змеиной пестрой шкуре
Убитые
у ног моих
лежат.

СЕМИНАР В ТЕАТРАЛЬНОМ ИНСТИТУТЕ

Эй, батюшка-ученый,
Ты, может быть, палач?
Зачем на диски черные
Наматываешь плач?

В институте —
новгородская свадьба: *
О занятии полгорода знает.
Профессура истомилась:
«Начать бы!»
А Семеновна
все не начинает.
Словно обморок —
не сдвинуться с места,
Словно стены
к причитаниям глухи...
Ах, состарилась
невеста, невеста,
И подруженьки —
старухи, старухи.
Что молоденьким
обряды, обряды?
Есть в учебниках —
да много ли значат?
Свадьба тронулась, поехала —
надо!
И с невестою полгорода плачет.

* В институт привезли плакальщиц и показали весь обряд.

ТРИ ПЕСНИ

(Подражание народному)

1

Аист,
 добрый аист,
Ласковый и смелый,
Принеси нам, аист,
В клюве
 сверток белый.

Дуню или Ксаночку,
Или, может, сына. . .
А еще бы —
 ванночку,
А за ней —
 перину.

И на всякий случай
Сразу две кровати,
И буфет получше,
Чтобы жить в достатке.

А не хочешь делать,
Ничего не делай —
Принеси нам только
В клюве
 сверток белый.

Роют землю —
 не унять! —
 Кони вороные.
 Мы поедем догонять
 Годы молодые.

Стариною мы тряхнем —
 Молодость догоним
 И назад ее вернем,
 Коль не провороним.

Только что же гнать коней
 По такой жарнице?
 Я налью,
 и ты налей —
 Чокнемся, дружище!

Ты налей,
 и я налью.
 Что, приятель,
 скверно?
 Нам и выпить-то в раю
 Не дадут, наверно.

Ну-ка оба мы нальем,
 Старики седые.
 Может, выпьем —
 и вернем
 Годы молодые.

3.
СВАДЕБНАЯ

Дорогие гости наши!
Ну-ка, живо в хоровод!
Кто на этой свадьбе спляшет,
Будет весел целый год.

Старый и малый,
Становись на цыпочки!
Громче, цимбалы!
Веселее, скрипочки!

Ох и ладно!
 Ох и складно!
Что за свадьба!
 Что за бал!
Жаль, на мне сюртук нарядный —
Я б не так еще сплясал.

Старый и малый,
Становись на цыпочки!
Громче, цимбалы!
Веселее, скрипочки!

Прыгай легче,
 прыгай выше,
Под собой не чуй ног.
Не сорвать бы только крышу,
Не пробить бы потолок.

Старый и малый
Смотрят, став на цыпочки.
Громче, цимбалы!
Громче, громче, скрипочки!

* * *

И все они умерли, умерли. . .

И. С. Тургенев

Что в мире лучше
 города ночного?
Он так доверчиво
 подходит к окнам.
И в полусне
 я вижу и не вижу
Прозрачное свечение вокзала
И легкое плетение теней.
О господи,
 пусть это будет Киев!
Ну вам-то что?
 Пусть это будет Киев!
С кусочком детства,
 с запахом Днепра,
Когда вокруг
 все живы,
 живы,
 живы.
Ну что вам стоит,
 звезды,
 фонари,
Мой сон,
 мой бред,
 мои воспоминанья,

Забутые давно...

Ну что вам стоит?

Я не проснусь...

Я только на минуту...

Уже уходит в прошлое вокзал.

О господи,

пусть это будет Киев!

* * *

На Царь-пушке отлито изображение
Федора Иоанновича

Кроткий лик
на свирепом металле,
Пламя
взоры его
не метали.
Для чего ж,
словно Марс,
он отлит?
Страх сражений
гвоздем его колет,
Он, как в жизни,
канючит и молит —
И дрожит,
и стрелять не велит.

Ну а колокол
первостатейный,
Истомившийся
в яме литейной,
Он и здесь
словно брошен в тюрьму.
Как хочу я
к нему
прислониться!

Как светло
и несбыточно снится
По ночам
колокольня ему.

Чу!
Москва на минуту уснула,
Шевельнулось
тяжелое дуло
И врагу
погрозило, как встарь.
Шумно люд собирается ратный,
И разносится
грохот набатный,
И, зажмурившись,
крестится царь.

* * *

**Архаике-охальнице смешно:
Влетает ветер**
 в отверстие окно,
Персты и перси,
 вья и ланиты
Его дыханьем медленным обвиты.
Зарой же локоть
 в дерево стола,
С отчаянным
 не спорь воображеньем
И не спугни
 нечаянным движеньем
Тень облака,
 тень смысла,
 тень крыла.
Да будет вечно жизнь твоя светла!
А смерть придет,
 отбросим в ночь большую
Две тени —
 одесную и ошую.

Какой-нибудь
насквозь соленый шкипер,
Крестьясь,
затычку выбьет из бочонка
И через край прольет,
и чертыхнется.
А мы посмотрим издали,
вздохнем
И разбредемся кто куда.
Я сяду
В тени большого паруса.
Согну
Устало ноги
и на борт откинусь.
Все это будет
триста лет назад.
Передо мною
волны,
волны,
волны.
Ни рыб,
ни чаек,
ни живой души.
А завтра снова порт...
А что мне порт?
Я знаю клички
всех портовых девок,

Я был
 во всех портовых кабаках,
Я обошел полмира.
 Но тебя
Нет и в помине.
 Ты не родилась.
Вот отчего мне на земле тоскливо.

* * *

Скажи,
какой резон
Мосту
цедить лениво
Прохладу и озон —
Речную душу живу?
Зачем,
скажи ты мне,
Лицом уткнувшись в сваи,
Баюкать на спине
Озябшие трамваи?
И для чего, скажи,
На мир —
пойму ли это! —
Глядеть
сквозь витражи
Заката и рассвета?

БАЛЛАДА

Забившись в табаком пропахшую берлогу,
Залечивал гусар

простреленную ногу.

Бутылка на столе,

гитара на стене,

И шпоры на полу

подмигивают мне.

А я ему твержу:

«Сыграй, гусар, сыграй!

Мне в ад давно пора,

но я не прочь и в рай.

Я душу промотал,

но не за полцены. . .»

И он вздохнул и снял

гитару со стены.

Военный человек —

задира и хвастун, —

Что сделал он со мной,

когда коснулся струн?

И я просил его:

«Добавь еще отравы!

Не надо ничего,

не надо даже славы.

На что мне и любовь —

я без нее в огне. . .»

И шпоры на полу

подмигивали мне.

* * *

Тяжелую шляпу
В руках теребя,
Куда это я
Ухожу от себя?
Шагаю,
 оставив
Себя у дверей, —
Все дальше и дальше,
Скорей и скорей.
Сейчас я спущусь
Торопливо
 с холма,
Сейчас меня скроют
Вот эти
 дома.
Мелькнет моя тень —
Мой последний привет. . .
Но я не гляжу
Уходящему вслед.

* * *

Мушкетеры господина де Тревиля,
Неужели

вас гвардейцы

затравили?

Разве можно,

чтобы слышалось всегда:

«Шпаги в ножны!

Шпаги в ножны, господа!»

Но мелькают

пустыри и перелески,

И сверкают вам алмазные подвески.

И не трудно,

и не страшно на рожон,

Если выхвачены шпаги из ножен.

Петушиная

смолкает

перекличка,

А за окнами

грохочет

электричка.

Я один

в недоброй комнате

сичу

И в лицо

своим обидчикам

гляжу.

И сквозь гнев,
и одиночество,
и муку
Опускаю я торжественную руку,
Как на Библию,
на детский тот роман:
«Я не струсил,
я не струсил, д'Артаньян!»
И мелькают
пустыри и перелески,
И сверкают мне алмазные подвески.
И не трудно,
и не страшно на рожон,
Если выхвачены шпаги из ножен!

* * *

Вот дама с насморком,
 вся в черном и шуршащем —
Вдова художника,
 который в настоящем
Был знаменит,
 а в будущем умрет,
И вновь воскреснет лет через пятьсот,
И выставит
 уже бесповоротно
Свои полустлевшие полотна.

Мы жили рядом —
 помню как сейчас.
Он у меня чаевничал не раз.
Нам для труда
 погоды было жалко, —
Мы уезжали часто
 на рыбалку.
Его жена
 была со мной на «ты».
И вот теперь
 из страшной темноты
Гляжу
 в благоговении великом
На эту даму
 с треугольным ликом.

В пяти телегах ехали цыгане,
Катился чудный гомон над страной,
И тот старик,
что сердце песней ранил,
Все говорил
с цыганочкой одной.
Как будто снова я сидел,
о табор,
У ног твоих —
беспечно, как вчера, —
И шорох трав примешивался слабо
К густому дыму доброго костра.
А память забывала,
забывала
И падала,
запутавшись меж лент,
И всю-то ночь гитара колдовала —
Заслуженный бесовский инструмент.
Скрипя,
вползают в марево телеги.
Прижмись ко мне.
Не думай.
Помолчим.
В протяжном небе,
в небе, полном неги,
След самолета
еле различим.

* * *

Это — фырканы коня,
Бежин луг.
Это вновь берут меня
На испуг.
Погляди:
 следы копыт
На росе.
Может, нынче кто и спит,
Но не все.
Соскользну
 и брошусь ниц,
Разобрав
Колыхание страниц
Или трав.
Тяжесть книжная в руке
До утра
Или в звездах
 на пеньке
У костра.
Спи, мой дом,
 усни, звеня,
Каждый звук.
Полночь...
 Фырканы коня...
Бежин луг.

* * *

Вы мне спойте,
 Надежда Андреевна,
Ничего,
 что вас нету в живых.
Вы мне спойте,
 Надежда Андреевна,
Я давно
 в ожиданье затих.
Это лента магнитная движется,
Это двинулось
 небо в слезах,
И душа моя,
 горя сподвижница,
Тихо плачет
 на ваших низах.
И легонечко
 стукнув калиткою,
В степь далёко,
 в рассветную грусть,
Я уйду
 за цыганской кибиткою
И не знаю,
 когда я вернусь.

Я хотел бы
 в этой будке
Проводить
 часы и сутки,
А быть может,
 и года,
Чтоб летели
 промежутки
И свистели
 поезда.
Ничего бы мне
 не надо —
Ни Москвы,
 ни Ленинграда.
Одному я был бы рад,
Что бегут
 огней каскады
На Москву
 и Ленинград.
С каждым гулом бы
 встречался,
С каждым грохотом
 прощался,
В жестяной рожок дудел.
Весь бы век не отрывался,
Весь бы век свой
 вдаль глядел.

Девчонки длинноногие!
Не мне
Гореть
на вашем медленном огне.
Нам щедрые дары
приносит осень,
Мы гордые —
чужого не попросим.
Есть у меня мой стол
и улыбки книг,
К которым я,
как пасечник,
приник,
И добрый пес,
и мудрая беседа,
И верный друг
(Я с ним сто лет знаком!),
И трубка с капитанским табаком,
Доставшаяся мне
еще от деда.
Давай же
посидим перед дорогой,
Перебирая радости свои —
И свет,
и тень,
и на краю земли
Веселый смех
девчонки длинноногой.

Не могу!

Не хочу!

Не привыкну!

Лучше в гости приеду потом.

Я вернусь

в свой расстрелянный город,

В злую юность свою —

в Ленинград.

И когда мне исполнится сорок,

Он прекраснее станет стократ.

А когда

пятьдесят мне подкатит

И сдавать

мое сердце начнет,

Он меня, словно ветер,

подхватит,

Петушиное слово

шепнет.

Будет день этот

в облачной пене,

Будет память —

как шрам ножевой,

И спущусь я к Неве

по ступеням,

И воды зачерпну я

живой.

* * *

Дождь моросит и в Лондоне,
и в нашем
Печальном городе.
Мы под зонтами пляшем
От холода
и вдалеке спешим рысцой,
И лишь дома подернуты ленцой.
Один из них особенно недвижим —
Стоит во всем великолепии рыжем.
Ты рядом с облаками,
на шестом. . .
А Лондон. . .
Но о Лондоне потом.
Ты то мелькнешь в окне,
то исчезаешь,
Как будто нож
то вынешь,
то вонзаешь.
Ты без меня обходишься легко. . .
А в Лондоне. . .
Но Лондон далеко.
На крыши дождь,
на шляпу дождь струится.
Мой верный зонт
нелепой черной птицей
Вдохнул и умер над моим плечом. . .
А в Лондоне. . .
А Лондон ни при чем.

Эти угрозы,
Позы и бредни,
Женские слезы
В темной передней.
Эта бравада
Напропалую,
Привкус помады
И поцелуя.
Хрустнет записка,
Полная риска.
Ближе не нужно —
И так уже близко.
Лучше сожги
Этот вымпел почтовый,
Лучше беги,
Как корабль трехмачтовый.

Что ж так послушно?
Что ж так тревожно?
Ближе не нужно —
А может быть, можно?
Слушал побасенки,
Платья касался...
Вот и попался,
Который кусался.

* * *

Когда на лес упала
Июльская гроза,
Я вдруг увидел
Пана
Гуцульские глаза.
Во мгле кустов
лежал он,
Внезапный,
как ожог.
В одной руке
держал он
Пастушеский рожок.
И белая от гнева,
Затянутая в дым,
Над ним клубилась дева,
Обманутая им.

Я тоже выбегаю
Из дома
в острый мрак.
Мне молния мигает,
А это
добрый знак.
И по звериной тверди
Текут мои слова —
О жизни
и о смерти,
Но о любви сперва.

* * *

Бредет по дороге корова,
Качается добрая морда.
Зачем ее выгнали в поле?
К чему огород городить?
Послушайте,
 вы не встречали
Миледи или милорда?
Я бедного герцога должен
Сегодня же предупредить.

За окнами сельской столовой
Вздыхают колхозные кони,
Таинственно трактор стрекочет,
Срезая кусок синевы. . .

Послушайте,
 вы из Бретани?

Послушайте,
 вы из Гаскони?

Послушайте,
 вы из Парижа?

Скажите,
 из Франции вы?

Входите,
 входите,
 входите.

Поверьте,
 не надо стыдиться.
Бодлер не замедлит явиться,
Он знает:

Верлен уже тут.
А русские звезды восходят,
А русское солнце садится,
А Сена так близко струится,
Что брызги меня обдают.

* * *

Давайте пойдём
на бульвар Капуцинов,
Давайте проявим
изысканный вкус.
Я тоже красавец,
я тоже мужчина,
Я тоже с моноклем,
я тоже француз.
Бонжур, Жозефина,
адье, Изабелла.
Вас это задело?
Простите, мадам.
Мне мельница будней
вот так надоела,
И я бы слетал
в девятнадцатый к вам.
А если и там мне
прискучит без меры,
Я снова пушусь
через волны времен
Туда, где над морем
у темной пещеры
Ревет Полифем
и гудит Аквилон.

Лиле

А мы запрячемся в строке —
Ты в детстве,
 в самом уголке
Со мной вдвоем укройся.
Печенье,
 плавленный сырок.
Тебя к доске.
 Идет урок.
Я подскажу —
 не бойся.
Не хмурься.
 Лучше о простом.
Не будь печальной.
 Под кустом
Лежит твоя скакалка.
Мы перепрыгнем
 в годы те
И улыбнемся чистоте,
А мудрости
 не жалко.
Нас жизнь ломает,
 сатана,
И хочет нам воздать сполна,
И судьбами играет.
А мы уйдем
 в конец строки. . .
Стоит учитель
 у доски
И руки вытирает.

* * *

Здесь жил
 переводчик с китайского,
В нем не было
 духа зазнайского,
Он пел
 за строфою строфу,
Влюбленный
 в Ли Бо
 и Ду Фу.
Держал он в руке,
 как соцветия,
Наивные тысячелетия
И, пот не стирая
 со лба,
Вдыхал их...
 Какая судьба!
А в ночи —
 июльские,
 душные —
Он пагоды строил
 воздушные
Без досок,
 гвоздей
 и стропил,
И плакал,
 и горькую пил.
Как горько о нем вспоминается!

* * *

Собственно, день этот —
резкий и пыльный —
Вдруг обернулся
мукой чернильной.
И невдомек,
Как это вышло
в итоге конечном:
День растянулся
и сделался вечным,
Строчками лег.
Лег и лежит
у меня на пороге.
Как это вышло
в конечном итоге?
Брать ли в расчет
То, что теперь он
вырезан в слове
И по его неподвижной основе
Время течет?
Время течет по основе недвижимой,
Ставшей отныне
шорохом книжным,
Шелестом лип,
Пылью и ветром,
пером и тетрадкой...
Собственно, в этом
и скрыта загадка,
Хитрый Эдип.

БАЛЛАДА О СРЕДНЕВЕКОВОМ ФИЛОСОФЕ

Я странствующий философ.
Я плоть.

Все другие — тени.

Блуждаю

во мгле вопросов

И в дебрях предположений.

У ваших

домов печальных,

У выщербленной дороги

Я пью

из ручьев хрустальных,

Обдумывая итоги.

Мой посох,

мой старый посох,

Который в руке качаю,

Твердит мне:

«**Ответь, философ!**»

И я ему отвечаю.

Я все распознал

и видел,

Мне каждое диво

внятно,

И бог

на меня

в обиде,

Но это

тоже понятно.

И брызжут
 осколки света,
И дождь
 надо мной
 негодует,
А я
 объясняю ветру,
Куда и зачем он дует.

* * *

Бьют Дария.

Бьют персов.

Тонет флот.

Чужая боль.

Чужая неудача.

Я удаляюсь от дневных забот. . .

Пронесят мимо раненых.

Я плачу.

Сижусь один.

Обломки по воде

Плывут к столу

и ранят мне колени.

И тонут корабли в кровавой пене:

В чужом несчастье

и в моей беде.

И где мой дом —

надежда и оплот?

И как мне жить?

Я не могу иначе!

Бьют Дария.

Бьют персов.

Тонет флот.

Пронесят мимо раненых.

Я плачу.

ОСЕНЬ

Окончились
 пробелы и запинки,
Я лес читаю прямо с серединки,
Я наизнанку вывернул его.
Слова приходят
 самые простые —
Они лежат,
 как листья золотые
В день торжества
 и горя своего.
Я говорю:
 деревья облетают,
Нагие ветви небо расшатают,
Но в нем отвага юная жива.
Губами тронь бока его литые. . .
Слова лежат,
 как листья золотые, —
Совсем обыкновенные слова.
Я жить хочу
 среди обыкновенных,
Таких скоропалительных и тленных,
Мешающихся с небом и листвою.
И может быть,
 без чинопочитанья,
Я их сведу
 в такие сочетанья. . .
А ты опять
 качаешь головой.

СОДЕРЖАНИЕ

«Звезда покати­лась над степью, над степью...» . . .	7
«Еще ворон простуженные глотки...»	9
Коктебель	10
«На берегах расплавленной Невы...»	11
Колоколу Ростова Великого	13
«Дорога к озеру спускалась...»	14
Осенняя песня	15
«Маршак сидит в халате и брюзжит...»	16
«Жить бы мне в Греции древней, воспетой сто­ кратно...»	18
«Я — Прометей. Орел мне печень рвет...»	19
Сонет	20
«Восходят дыма смуглые колечки...»	21
«Мы снова затеяли перестановку...»	22
«У пенных струй склонялся бедуин...»	23
«И сказал мне парикмахер слова...»	24
«Не падай, Пизанская башня, не падай...»	26
«Что же ты, детство, меня уверяло?..»	27
«Когда я брел в ночи обманной...»	28
«Еще вчера была весна...»	29
«Когда гроза безумствует над крышей...»	30
«Вот проспект одиноко уходит во тьму...»	31
«На снегу стоят дома...»	32
«Пальцы вьюги у земли...»	34
По мотивам Киплинга	35
«Убей змею — и семь грехов простится...»	37
Памяти Заболоцкого	38
Семинар в Театральном институте	39

Три песни	40
«Что в мире лучше города ночного?..»	43
«Кроткий лик на свирепом металле..»	45
«Арханке-охальнице смешно..»	47
«Какой-нибудь насквозь соленый шкинпер..»	48
«Скажи, какой резон..»	50
Баллада	51
«Тяжелую шляпу в руках теребя..»	52
«Мушкетеры господина де Тревилля..»	53
«Вот дама с насморком, вся в черном и шурша- щем..»	55
«В пяти телегах ехали цыгане..»	56
«Это — фырканье коня..»	57
«Вы мне спойте, Надежда Андреевна..»	58
«Я хотел бы в этой будке..»	59
«Девчонки длинноногие! Не мне..»	60
«Все мне снится местечко Кобоны..»	61
«Дождь моросит и в Лондоне, и в нашем..»	63
«Эти угрозы..»	64
«Когда на лес упала..»	65
«Бредет по дороге корова..»	66
«Давайте пойдем на бульвар Капуцинов..»	68
«А мы запрячемся в строке..»	69
«Здесь жил переводчик с китайского..»	70
Другу	72
«Собственно, день этот — резкий и пыльный..»	73
Баллада о средневековом философе	74
«Бьют Дария. Бьют персов. Тонет флот..»	76
Осень	77

Друскин Лев Савельевич

ПРИКОСНОВЕНИЕ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1974, 80 стр. План выпуска 1974 г., № 130. Редактор *П. И. Кочурин*. Художник *Р. М. Яхнин*. Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*. Техн. редактор *М. А. Ульянова*. Корректор *Ф. Н. Аарунина*. Сдано в набор 15/X 1973 г. Подписано в печать 4/II 1974 г. М 20195. Бумага 70×108¹/₃₂, тип. № 1. Печ. л. 2¹/₂ (3,5). Уч.-изд. л. 2,49. Тираж 10 000 экз. Заказ № 1331. Цена 26 коп.

Издательство «Советский писатель», Ленинградское отделение, Ленинград, Невский пр., 28.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, Центр, Красная ул., 1/3.

26 к.

